

Научная статья

УДК 340.154

EDN RERDYR

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(3).400-410

СТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО И ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

И.В. Минникес

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

31 января 2022 г.

Дата принятия в печать

21 июня 2022 г.

Дата онлайн-размещения

12 июля 2022 г.

Ключевые слова

Уголовно-процессуальное право; полицейское право; история русского права; Свод законов Российской империи; история русского процессуального права

Аннотация. В статье исследуется вопрос становления и формирования отраслевой дифференциации норм права, регулирующих процесс расследования и рассмотрения преступных деяний разной степени тяжести в российском праве конца XVIII — первой половины XIX в. Установлено, что в законодательстве России в XIX в. существовало два способа оформления процессуальных норм, регламентирующих расследование, рассмотрение, предупреждение и пресечение правонарушений. Первый способ предлагается назвать централизованным, поскольку нормы процессуального характера сведены в единую часть Свода законов Российской империи. Примером может служить систематизация уголовно-процессуальных норм в кн. II «О судопроизводстве по преступлениям» т. XV указанного свода. В соответствии с этим вопрос о наличии уголовного процесса как отрасли российского права может быть решен положительно. Второй способ, обозначенный автором как децентрализованный, означает, что процессуальные предписания идут в единстве с материальными нормами и сосредоточены по разным частям Свода законов Российской империи. Примером являются нормы, составляющие часть полицейского права — полицейский процесс. В законодательстве начала XIX в. преступления делились на уголовные и маловажные. За маловажные деяния не назначались уголовные наказания, а их расследование не требовало уголовного процесса в полном объеме. Процессуальные действия в отношении маловажных преступлений, а также деятельность полиции по предотвращению и пресечению преступных деяний в российском праве регламентировались большим количеством правовых предписаний, которые можно объединить под общим названием «полицейский процесс». Для обозначения степени обособленности этих норм в законодательстве России в настоящем исследовании предлагается понятие «направление правового регулирования». Оно подразумевает устойчивую совокупность накопленных и в известной степени обособленных норм, объединенных общим предметом и основными методами воздействия на общество. Направление правового регулирования предшествует появлению отрасли права. По итогам исследования установлено, что к XIX в. российский законодатель упорядочил процессуальные нормы о расследовании и рассмотрении дел о преступлениях уголовных и маловажных в самостоятельную отрасль — уголовный процесс, а также в направление правового регулирования — полицейский процесс.

Original article

THE FORMATION OF CRIMINAL AND POLICE PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN LAW OF THE XVIII — EARLY XIX CENTURY

Irina V. Minnikes

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2022 January 31

Accepted

2022 June 21

Abstract. The author researches the formation of the sectorial differentiation of legal norms regulating the investigation and analysis of criminal acts of different gravity in the Russian law of late XVIII — first half of XIX centuries. It is shown that Russian legislation of XIX century used two methods of formulating procedural norms that regulated the investigation, analysis, prevention and suppression of offences. It is suggested that the first method should be called a centralized one, as the norms of procedural charac-

© Минникес И.В., 2022

Available online
2022 July 12

Keywords

Criminal procedure law; police law;
history of Russian law; Law Code of
the Russian Empire; history of Russian
procedural law

ter are contained in one part of the Law Code of the Russian Empire. An example of this is the systematization of the criminal procedure norms in Book II «On Criminal Court Proceedings», Vol. XV of this Code. Thus, the question of the existence of the criminal process as a sector of Russian law can be answered positively. The second method, which the author calls decentralized, means that procedural prescriptions are aligned with material norms and scattered throughout different parts of the Law Code of the Russian Empire. An example of this are the norms constituting a part of the police law — the police process. The legislation of the early XIX century categorized offences as either crimes or offences of little significance. Offences of little significance did not lead to criminal punishments, and their investigation did not require a full criminal procedure. Procedural actions in cases of little significance, as well as the activities of the police to prevent and suppress criminal actions, were regulated by a large number of legal prescriptions in the Russian law, which could be put together under a common name «the police process». In order to denote the degree of separateness of these norms in the Russian legislation, the author introduces the concept «the direction of legal regulation». It means a stable aggregate of accumulated and somewhat separate measures united by a common subject and key methods of influencing the society. The direction of legal regulation is the predecessor of the sector of law. The conducted research allowed the author to establish that by the XIX century the Russian legislator systematized the procedural norms on the investigation and analysis of crimes and offences of little importance as an independent branch — the criminal process, and the direction of legal regulation — the police process.

Введение

Вопрос отраслевого деления в современном российском праве в настоящее время является предметом дискуссий. Теоретико-правовая наука зачастую придерживается той градации отраслей, которая сложилась многими десятилетиями ранее. В то же время специалистами в области отраслевых юридических наук часто высказывается мысль о возникновении новых отраслей права. Это связано как с современным уровнем развития права, так и с необходимостью акцентировать внимание законодателя на правовом регулировании определенных направлений жизни общества, например энергетики, спорта и т.п.

С одной стороны, не стоит поспешно присваивать статус отрасли любой совокупности норм, с другой — само отраслевое деление не статично, поэтому нельзя вечно придерживаться старых рамок, под которые «подрезаются» существенно изменившиеся общественные отношения.

Большую помощь в достижении баланса между этими противоположностями может оказать экскурс в историю российского права того переломного периода, когда отраслевое деление только-только формировалось. Динамичный характер отраслевой градации в данном исследовании иллюстрируется нормами российского права XVIII–XIX вв., относящимися к процессу расследования и рассмотрения преступных деяний.

Деятельность законодателя в XVIII–XIX столетиях сыграла огромную роль в развитии русского права. В российской и зарубежной

юридической науке проведено множество исследований касательно состояния и тенденций развития права в этот период, посвященных как непосредственно систематизации [1–6], так и отдельным его аспектам и их влиянию на дальнейшее становление права в России [7–9].

На данном этапе формирования русского права карательная функция, а также задача предупреждения и пресечения правонарушений рассматривались в контексте материальных норм. Так, воинские артикулы Петра I, содержащие в основном нормы материального уголовного права, предписывали не только «за вину казнить», но и довести до сведения всех, чтобы «всяк своего стыда, наказания и безчестия удалялся»¹. Другими словами, данный акт не только предусматривал наказания за правонарушения, но и нес дополнительную функцию — посредством устрашения и «воспитательных мер» предотвратить правонарушения.

Однако помимо материального права карательные и превентивные меры были заложены и в нормах процессуального характера. Например, в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб», в ст. 6, предусмотрено, что «надлежит свидетелю присягу о свидетельстве... учинить» именно «прежде свидетельствования или допросу от судей». Присяга, данная перед допросом, по мнению законодателя, удержит

¹ Артикул воинский с кратким толкованием // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 5. СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Его Императ. Величества канцелярии, 1830.

от лжесвидетельства, прибегнуть к которому свидетель сможет «разве забыв свою совесть»².

Но в научной литературе процессуальному праву на этапе абсолютизма и становления капитализма было уделено не столь много внимания в сравнении с отраслями материального права.

В частности, русскому уголовному процессу посвящены работы С.И. Викторского [10], В.К. Случевского [11], И.Я. Фойницкого [12]. Однако они ориентированы прежде всего на исследование постреформенного судопроизводства второй половины XIX в. Обзор истории процесса и его сравнительное исследование сделано в трудах Д.Г. Тальберга [13].

Несмотря на то что, по наблюдению английского ученого П. Лоренца, историки XIX в. были более вовлечены в проблемы современного им права, тогда как сейчас многие историки уголовного правосудия обычно воздерживаются от какого-либо явного вмешательства в современные дебаты [14], можно указать несколько историко-правовых исследований, внесших вклад в современное научное видение формирования процессуальных норм в России.

Так, анализ развития права данной направленности за тысячелетний период сделан в диссертации Т.Ю. Амплеевой [15]. Целевому изучению состояния уголовного судопроизводства дореформенного периода посвящены диссертации Ю.В. Мещерякова [16] и Л.В. Батиева [17]. Отдельные разновидности процесса исследуемого периода представлены в работах А.А. Линник [18], А.А. Пачкова [19] и др. Еще несколько трудов, в которых отразилось состояние процессуального права в XVIII–XIX вв., имеют обзорный характер без детального описания процессуальных норм [20; 21] и др. Тот же подход присущ учебникам и учебным пособиям по истории государства и права России.

Иногда недостаток научного материала восполняется не совсем корректно. Так, некоторые авторы пользуются современным отраслевым делением норм даже при анализе права времен становления и развития русского права. В частности, О.В. Бобровский защитил диссертацию на тему «Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде» [22], хотя такая оценка судебного разбирательства в древнерусском праве весьма сомнительна. Позиция другого автора о «гражданском» и «уголовном» процессах в древности выражена неоднозначно: «Несмотря на отсутствие деле-

ния гражданского и уголовного судопроизводства, большинство источников данного периода свидетельствует, что первыми правовыми актами Киевской Руси в большей степени регулировались вопросы уголовного судопроизводства и уголовного судопроизводства» [23, с. 9].

Можно согласиться, что «исторические исследования могут многое добавить к пониманию настоящего, например, они могут способствовать объяснению некоторых современных условий или поддерживать культурную память об историческом опыте, который продолжает оставаться актуальным сегодня» [24, с. 458]. В то же время стремление «подтянуть» историко-правовые явления до современных понятий, «подтесать» их и уложить в схемы, существующие на сегодняшний день, могут существенно исказить реальную картину развития русского права. Во-первых, таким образом нивелируется самобытность права исторической эпохи, а во-вторых, создается неправильное представление о состоянии современного права. Если исторически существовал, например, уголовный процесс, то все развитие сводится только к некоторым «уточнениям», следовательно, усилия по обновлению в принципе представляются неактуальными. Кроме того, понимание уголовного процесса как древнего явления влечет за собой коррекцию материального уголовного права.

В данной работе предметом особого внимания будут нормы права, регламентирующие расследование, рассмотрение, предупреждение и пресечение деяний, обозначенных в законодательстве как преступления и проступки.

Важно указать, что четкое разделение преступлений и иных правонарушений, названных проступками, было проведено только в XIX в.

Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных было указано, что преступление — это «нарушение *закона* (здесь и далее курсив мой. — И.М.), через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц» (ст. 1); тогда как проступок — это «нарушение *правил*, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы» (ст. 2)³.

³ Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 20. Отд. 1. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846.

² Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 5.

Однако ранее, в 1832 г., в первом издании Свода законов Российской империи (далее — Свод законов), в ст. 1 и 2 т. XV, правонарушения также были поделены на две группы, но по иному принципу.

Первую группу составили «уголовные преступления», обозначенные как «всякое деяние, запрещенное законом под страхом уголовного наказания». Ко второй законодатель отнес «маловажные преступления и проступки», санкции которых предусматривают легкие телесные наказания или «*полицейское исправление*»⁴.

В контексте данного исследования акцент следует сделать на возможности назначения за некоторые правонарушения «полицейского исправления». Оно предполагает особое течение процесса и может служить одним из аргументов в пользу формирования полицейского процесса как такового.

И если расследование и рассмотрение преступлений находятся в сфере регулирования уголовного процессуального права, то относительно проступков и маловажных преступлений то же самое сказать нельзя.

Принимая во внимание сказанное, в настоящем исследовании поставлена цель — установить степень упорядочения процессуальных норм, предназначенных для борьбы с преступностью в России на начало XIX в. в контексте их отраслевой градации.

Задачи исследования заключаются в выяснении вопросов о том, насколько оформлено в российском законодательстве XIX в. уголовно-процессуальное право как отрасль и какова предыстория ее формирования, а также в анализе истоков и тенденций формирования процессуальных норм полицейского права в ракурсе отраслевого деления права XVIII — начала XIX столетия.

Методологические основы исследования

В основе работы лежит сравнительный историко-правовой метод, позволяющий проанализировать и оценить принцип отраслевого деления процессуальных норм права XIX в. в сравнении с современным правом как соответствующего требованиям и уровню развития своей эпохи. Диалектический подход предполагает, что становление отраслевого деления

процессуальных норм — не одномоментное действие. Оно представляет собой длительный процесс эволюции от отдельных норм, неразрывно связанных с материальным правом, до полноценной отрасли права, нормы которой воплощены в статьи кодифицированного акта.

Но между этими начальной и конечной точками существует множество вариантов регламентации процессуальных отношений, которые могут оцениваться по-разному в зависимости от угла зрения. В частности, признание за совокупностью норм статуса отрасли права предшествует довольно длительный период, когда правовые нормы уже накоплены и в известной степени обособлены, определен предмет интереса законодателя и его нацеленность на упорядочение конкретной сферы отношений, а также основные методы воздействия на общество. Можно ли считать это состояние формированием отрасли или простым комплексом предписаний? Решение проблемы затруднено еще и тем, что в науке до сих пор «наблюдается длительная научная дискуссия относительно критериев признания автономии или даже независимости той или иной отрасли права» [25, с. 503].

Представляется, что в период перехода от неопределенной совокупности к системе норм будущая отрасль может быть обозначена как *направление правового регулирования*. Провести однозначную хронологически локализованную черту между направлением правового регулирования и полноценной отраслью права крайне сложно.

Анализ Свода законов позволяет говорить о достаточно высоком уровне юридической техники. Более того, с началом XIX в. связывают появление отраслевого деления в российском праве.

Общепризнанные отрасли материального права сгруппированы в отдельные тома и книги Свода законов. В отношении же процессуальных отраслей система Свода законов не всегда последовательна.

Формально-юридический метод дает основание выделить два подхода законодателя к закреплению в законодательстве процессуальных норм, направленных на расследование, рассмотрение, предупреждение и пресечение деяний, обозначенных в нем как преступления и проступки.

Первый способ вполне заслуживает наименования централизованного (хотя точнее было бы назвать его кодифицированным, однако не следует забывать, что сам Свод законов не яв-

⁴ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. В 15 т. Т. 15. Свод законов уголовных. Кн. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. [Изд. 2-е]. СПб. : Тип. II Отд. Собств. Его Императ. Величества канцелярии, 1833.

ляется продуктом законотворчества, выступая, по сути, как инкорпорированный сборник), поскольку нормы процессуального характера сведены в единую часть свода. Причем эта часть прилагается к нормам материального права.

Примером может выступать, в частности, юридическая техника составления т. XV Свода законов. В первом издании, опубликованном в 1833 г., использовано общее название «Свод законов уголовных», однако этот свод включал две книги. Первая — «О преступлениях и наказаниях вообще» и вторая — «О судопроизводстве по преступлениям». В последующих изданиях система обозначена еще более четко: в ч. 1 т. XV, именуемой «Уложение о Наказаниях уголовных и исправительных», изложены нормы уголовного права, ч. 2 включает «Законы о Судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках», т.е. содержит процессуальные нормы. Таким образом, «сопровождение» материального права вполне можно считать практически автономной отраслью — уголовно-процессуальной.

Второй подход к изложению процессуальных норм назовем «децентрализованным», поскольку процессуальные предписания идут в единстве с материальными и рассредоточены по разным частям Свода законов. Примером являются нормы, которые впоследствии будут названы административным процессом, а в терминологии XIX в. — полицейским процессом.

Формирование отрасли уголовно-процессуального права

Предысторию процессуального права, так или иначе оформленного в Своде законов, можно найти в праве XVII–XVIII вв.

Следует вспомнить, что единые акты централизованного государства назывались именно Судебниками, а в более позднем акте — Соборном уложении 1649 г. (далее — Уложение) — наличествовала особая глава «О суде», причем данная глава превосходила по количеству статей все иные главы. По замечанию В.К. Случевского, «законодательство того времени создало судебники 1497 и 1550 г. с содержанием, если не исключительно, то преимущественно процессуальным», также и Уложение «было законодательным актом, вмещавшим в себе постановления преимущественно процессуальные» [11, с. 2].

Однако ни Судебники, ни Уложение не были специализированными актами. Их содержание строилось скорее на принципе неразделимости материальных и процессуальных норм.

Так, в ранее упомянутой гл. X процессуальные вопросы соседствовали с материальными.

Акты преимущественно процессуального характера, например Указ об установлении срока для взыскания долга и об отдаче ответчика «головною» истцу до уплаты долга 1555 г.; Указ о неприведении в исполнение смертной и торговой казни в дни церковной службы «большой панихиды» 1559 г.; Приговор о лжесвидетельстве и ложных исках 1582 г.; Указ о том, в какие часы дня приводить к крестному целованию, 1620–1622 гг. и другие, имели ограниченные цели, в частности устанавливали порядок отдельных действий (правежа, «обыска», присяги), запрещали пытать во время церковных праздников и т.п. Более или менее универсальными процессуальными актами были, например, Приговор о разбойных делах 1555 г.; Приговор о губных делах 1556 г.; Уставная книга Разбойного приказа 1616–1617 гг. Они регулировали различные стороны процесса судопроизводства и в значительно меньшей степени вопросы материального права. Однако их содержание не предполагало обзор процесса в целом и ограничивалось точечным описанием отдельных его элементов — обыска, пытки, преследования по горячим следам и т.п. Поэтому говорить об определенности процессуальных действий и порядке судоговорения на основании данных актов невозможно, однако содержание предписаний однозначно указывает на инквизиционный обвинительный характер процесса.

Таким образом, данный этап можно считать «предысторией» уголовного процесса.

Этому этапу развития процессуального права присущи несколько характерных черт:

- универсальность, подразумевающая смешение материальных и процессуальных норм;
- фрагментарный характер регулирования, не предполагающий воссоздания единой картины ведения дела от его начала до завершения процесса;

- вариативность, которая не позволяет с точностью разделить состязательность и розыск при ведении дела, тем более что содержание правовых предписаний имеет четкий уклон в сторону последнего.

Обозначенные черты процессуального права существенно изменились в конце XVII — начале XVIII в. в связи с принятием трех актов, основное содержание которых составляют нормы процессуального характера. Это именной указ «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о

свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» от 21 февраля 1697 г., «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г. и Указ о форме суда 1723 г.

Следует отметить, что «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» впервые обозначило само понятие процесса: «Процесс есть дело судимое, чрез который случающиеся тяжёбныя дела основательным представлением, и из обстоятельства дел обретенных доказов явныя сочиняются, и потом от Судей, по избранию оных причин, решение чинится»⁵.

Чаще всего процесс, предусмотренный двумя первыми актами, обозначают как следственный, инквизиционный, полностью отменяющий состязательность. Но, как представляется, именно петровские акты начала XVIII в. можно считать границей между старым инквизиционным процессом и новой формой судоговорения. Как считает Л.В. Батиев, именно начало XVIII в. характеризуется развитием «деления на гражданский и уголовный процесс в рамках состязательной и розыскной форм судопроизводства» [17, с. 11].

По оценке автора, с 1697 г. «допрос и сыск» может быть определен как своеобразный состязательный процесс, отличный от древнего недифференцированного обвинительного суда и от розыскной формы процесса. Эта тенденция была продолжена «Кратким изображением...». Данный документ, как считает автор, «содержит как бы два уровня, два слоя — состязательный в теории и следственный на практике, первый скорее в прошлом, второй в настоящем», при этом «состязательный вариант процесса является аналогом русского «суда (допроса) и сыска» [там же, с. 7].

В итоге можно говорить об обновленном «суде», который отличается и от классической инквизиционной формы (возможностями судебных прений в принципе, заменой стороны адвокатом, допущением пересмотра и обжалования), и от древнего обвинительного суда (ограничение свободы сторон, ужесточение обеспечительных мер, допущение пытки «в гражданских» делах, унификация и формализация стадий процесса).

Есть и еще один важный момент содержания петровских актов, который имеет значение в контексте данного исследования. В тексте ста-

тей «Краткого изображения...» иногда встречается термин «*гражданское дело*».

Такого рода дела отличаются, по свидетельству ст. 5 гл. 1 «Третьей части процесса», возможностью решения в одну инстанцию: «В вышнем суде гражданские дела судимы не бывают, кроме того, ежели челобитчик или ответчик приговором нижняго суда гражданских дел не доволен явится, и того ради для лутчей осторожности дело свое в генералный кригсрехт перенести похощет»⁶.

«Гражданскому» противопоставляется «пыточное» дело. В ст. 6 той же главы описывается ситуация, когда «в нижнем суде в пыточном деле приговор учинен». Интересно, что в «Первой части процесса» вместо пыточного фигурирует «розыскное» дело: ст. 2 гл. 2 объясняет, что существует процесс «в розыскных делах, которых большая часть в Кригсрехте случается», а ст. 1 гл. 5 разрешает в делах посылать вместо себя в суд адвоката, за одним исключением: «только при *розыскных делах*, которые случаются в Кригсрехте, оных вместо себя адвокатов употреблять не позволяют, но принужден ответчик сам своею особою ответствовать»⁷.

Несмотря на знакомое и современное наименование «гражданское дело», нельзя утверждать, что именно с этого акта возникло деление на гражданский и уголовный процесс. Однако данный нормативный акт можно считать отправной точкой для дальнейшей дифференциации порядка рассмотрения дел, которая в конце концов привела к разделению судов губернского уровня на гражданский и уголовный департаменты.

Правда, даже после того, как в законодательстве XIX в. процессы получили официальное законодательное наименование «гражданского» и «уголовного», они не полностью избавились от сложившихся веками принципов ведения дел: «Судопроизводство пронизывалось инквизиционным началом. Это относилось и к уголовному, и к гражданскому процессу» [21, с. 245].

Систематизация законодательства начала XIX в. завершила этап образования процессуального права и градации норм «суда» на гражданско-процессуальные и уголовно-процессуальные. В частности, даже первое издание Свода законов, т. XV, оценивается как «отраслевая консолидация уголовно-процессуального законодательства» [26, с. 57–58]. Следует согла-

⁵ Устав Воинский. Процессы // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. 1. Т. 5. 1713–1719 гг. СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Его Императ. Величества канцелярии, 1830.

⁶ Устав Воинский. Процессы.

⁷ Там же.

ситься с тем, что Свод законов «зафиксировал в России зрелый дореформенный уголовный процесс — своего рода высшую точку его развития» [27, с. 141–142], хотя сентенция автора о невозможности рассматривать его как аналог современных уголовно-процессуальных кодексов представляется слишком категоричной.

Считать идеальным разделение норм между уголовным правом и уголовным процессом в начале XIX в. рано, поскольку даже после принятия Судебных уставов 1864 г. «распределение уголовно-материальных и уголовно-процессуальных положений по кодексам уголовно-материальному и процессуальному происходит не с абсолютной точностью» [11, с. 3], однако в целом уже можно говорить об уголовно-процессуальной отрасли права.

Полицейский процесс

Как ранее отмечено, карательные и превентивные задачи возлагались государством не только непосредственно на уголовно-процессуальное право. Немалая роль была отведена регулированию деятельности полиции в отношении проступков и тех деяний, которые Свод законов обозначил как «маловажные» преступления.

Полицейский процесс как совокупность норм процессуального характера зародился в недрах полицейского права.

Следует оговориться, что исследователи XIX столетия под полицейским правом подразумевали регламентацию не только охраны порядка, но и управленческой деятельности в целом, т.е., если проецировать эти нормы на современное отраслевое деление, включали в них конституционное, административное право и соответствующие процессы.

В узком смысле полицейское право — это непосредственно нормы об охране порядка.

Полиция как специализированный институт охраны общественного порядка в широком смысле слова (от патрульной службы до народного здравоохранения, от пресечения преступлений до воспитания молодежи) обязана своим появлением законам XVIII в. Важное значение имели «Пункты генералу полицмейстеру» 1718 г., Регламент или устав главного магистрата 1721 г., а также более поздние указы «Об учреждении полиции в городах» 1733 г., «О подтверждении должности Генерал-Полицмейстера, и о бытии ему под непосредственным ведением ея Императорского Величества», «Об учреждении в Санкт-Петербурге при Полиции

особой Экспедиции для розысков по делам воров и разбойников» 1746 г., «Устав благочиния или полицейский» 1782 г.

Первое и наиболее очевидное условие зарождения отрасли права — наличие значительного объема норм, регулирующих одну сферу общественной жизни, отмечается множеством исследователей. По данным И.Ю. Полякова, только «в сфере регламентации полицейской деятельности по обеспечению безопасности к 1830 г. действовало более 1,3 тыс. актов, изданных в разные временные периоды, нередко противоречащих друг другу и не имеющих единой системы, что затрудняло согласованную деятельность государственных органов и снижало эффективность правового регулирования в указанной сфере» [28, с. 11]. На этот же факт обращает внимание Н.С. Нижник [29].

Современник полицейского права П.Н. Гуляев, доказывая актуальность своего сочинения о полиции, сетовал на множественность и бессистемность полицейских предписаний: «Законоположения по сей части, — писал автор, — в разные времена изданные и находящиеся большею частью без связи и порядка в изданных книгах, а некоторые даже в архивах Правительства, не будучи совсем помещены в публичных сочинениях, очень затрудняли как Чиновников Полиции, так и самого жителя...» [30, с. X]. Более того, он обещает издать в дальнейшем целый сборник оригинальных «Законов и Повелений», не сомневаясь в том, что таковых найдется немало.

Автор признает, что систематизация законодательства сыграла огромную роль в ликвидации проблемы разрозненности норм, однако единого акта, сопоставимого с книгами уголовных или гражданских законов, не было создано. Все многочисленные предписания в этой сфере были объединены в несколько актов, но и это имело важное значение: «Созданием системы сводов полицейских уставов (Свод уставов о паспортах и беглых, Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений, Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных) завершился процесс институционального становления полицейского законодательства Российской империи» [там же, с. 11]. С ним согласен С.В. Кодан: «Полицейское законодательство в сфере безопасности в рамках Свода законов Российской империи было консолидировано в 14 томе (3–5 части 7 книги Свода). Нормативно-правовую базу 14 тома составили 1 313 законодательных актов за период 1649–1832 гг.

Они отразили динамику правового регулирования в данной сфере: в 1649–1699 гг. было издано 21 узаконение, 1700–1750 гг. — 212, 1751–1800 гг. — 248, 1801–1832 гг. — 832» [31, с. 10].

Исходя из сказанного, можно заключить, что законодатель к началу XIX столетия создал достаточно обширную нормативную базу, на которой основано полицейское право как автономное направление правового регулирования с собственным предметом и целями. В нее вошли и масштабные акты, и отдельные постановления регионального или узкоспециализированного содержания. С.В. Кодан считает, что первую треть XIX в. можно рассматривать как время формирования полицейской отрасли законодательства [там же].

Что касается процессуальной составляющей, то следует обратить внимание на узкое понимание полицейского права, которое в дальнейшем выльется в право административное.

Следует отметить, что полицейскому процессу (в отличие от уголовного) не повезло оказаться в группе тех отраслей, которые не составляют автономного «эскорта» материальной отрасли. Представляется, что в основном это связано с проблемой многочисленности и бессистемности полицейского права как такового.

Однако, взяв полицейское право в узком смысле, вполне возможно опознать в совокупности правовых норм если не полноценную отрасль права, то, по крайней мере, не до конца оформившееся, но достаточно ясно идентифицируемое направление правового регулирования.

Именно узкое понимание вложено в утверждение Ю.Н. Овсянникова о том, что «полицейская функция проявляется в материальной и процессуальной (организационно-правовой, структурно-функциональной, процедурно-правовой) формах институционализации и реализации охранной деятельности государства» [32, с. 23]. Таким образом, автор выделяет процессуальный элемент в правовом регулировании данной сферы.

Той же позиции придерживаются и другие авторы: «В рамках Свода законов была сформулирована правовая основа деятельности полиции по предупреждению и пресечению преступлений, где имели место нормы как материального, так и процессуального права» [33, с. 3]. Ю.Е. Аврутин, анализируя труды П.Н. Гуляева, установил, что в них в качестве самостоятельной сферы полицейской компетенции назван «полицейский процесс» [34]. Сам П.Н. Гуляев о полицейском процессе не говорил, но, если

судить по структуре его труда, фактически его признавал. Так, последняя глава его труда называлась «Действия Полиции в случае нарушения Права общественного или личного, и производства других дел» [30, с. 195–224].

Защищая факт существования полицейского права в современном государстве (как подотрасли административного права), Ю.П. Соловей отмечает «повышенное значение процессуальной формы» в полицейском праве и упоминает о «полицейском процессе» [35, с. 75, 80–81]. Это мнение вполне обоснованно. Если проанализировать содержание актов, отнесенных к полицейскому праву, становится понятно, что процессуальная составляющая в них не просто наличествует, но в некоторых случаях вполне сравнима по объему с нормами материального права.

Например, в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений имеется глава о запрещенных книгах и сочинениях. Она начинается со ст. 151, где указан тот орган, на который возлагается обязанность цензуры. Следующая же статья (ст. 152) перечисляет те действия, которые вправе производить полиция в целях проверки книг, иных сочинений и даже картинок. В случае обнаружения запрещенных изданий полицейские, в соответствии со ст. 155 этой главы, должны конфисковать материал, а виновного предать суду. Те же действия предписаны полиции и в случае торговли неодобренными цензурой книгами и иными изданиями (ст. 156). Еще больше внимания процессуальным действиям полиции уделено при убийстве или нанесении телесных повреждений. Так, в ст. 343 указана обязанность расследования дела, в следующей (ст. 344) — регламентирован «судебный осмотр тела», а в ст. 349 — взятие подозреваемого под стражу и т.д.

Кроме того, как было отмечено ранее, ряд проступков и «маловажных» преступлений не требовали в полном объеме тех процессуальных действий, которые обязательно прилагались к расследованию и рассмотрению «уголовных» преступлений и которые относились к уголовно-процессуальной отрасли права. Касательно данных деяний (самым близким аналогом которых в современной системе координат может считаться административный проступок) и их последствий применялся качественно иной процесс, который можно именовать «полицейским». Он заканчивался применением мер «полицейского исправления».

Дополнительный аргумент в пользу полицейского процесса как автономного направле-

ния правового регулирования — это то, что в начале XIX в. следствие фактически было возложено на полицию. Правда, в процессе расследования выделялось следствие предварительное и формальное (предназначенное «для приведения в известность всех обстоятельств дела»), но и тем и другим занималась полиция, а разграничивались они на моменте избрания подозреваемому меры пресечения.

Таким образом, в содержании полицейского права вполне можно обозначить весьма значительный круг правовых предписаний, прямо именуемых некоторыми исследователями полицейским процессом.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно заключить, что в XIX столетии в России в результате систематизации были документально оформлены уже сложившиеся к этому времени основные от-

расли права. Но если отрасли материального права имели очевидное выражение в системе Свода законов, то процессуальные отрасли не всегда были обособлены достаточно для того, чтобы факт их существования лежал на поверхности. Они, как правило, либо «сопровождали» соответствующую материальную отрасль (например, уголовное право — уголовный процесс), либо составляли конгломерат материальных и процессуальных предписаний в более или менее обособленных актах (Полицейский процесс в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений).

Следовательно, правовые нормы, которые регламентировали процессуальные вопросы расследования и рассмотрения преступлений разной степени опасности, их пресечения и предупреждения, систематизированы в уголовно-правовой процесс как полноправную отрасль и полицейский процесс как направление правового регулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о своде законов : сост. из актов, хранящихся во II Отд-нии Собств. Его Императ. Величества канцелярии / М.М. Сперанский. — Санкт-Петербург : Тип. II Отд-ния Собств. Его Императ. Величества канцелярии, 1833. — 200, VII с.
2. Галузо В.Н. О систематизации узаконений в Российской Империи (1721–1917) / В.Н. Галузо. — EDN HNGBSV // Актуальные исследования. — 2020. — № 7 (10). — С. 46–50.
3. Кодан С.В. Свод законов Российской империи. Место и роль в развитии юридической техники и систематизации законодательства в России в XIX — начале XX века / С.В. Кодан. — EDN PJCLUZ // Юридическая техника. — 2007. — № 1. — С. 178–191.
4. Мицкевич А.В. Систематизация законов Российской империи М.М. Сперанским / А.В. Мицкевич // Журнал российского права. — 2001. — № 5. — С. 154–160.
5. Рыбаков Ю.Я. Свод законов Российской империи первой половины XIX в. / Ю.Я. Рыбаков // Проблемы источниковедения СССР и специальных исторических дисциплин. — Москва : Наука, 1984. — С. 61–68.
6. Денисенко С.В. Первый опыт систематизации российского права в Российской империи в начале 30-х г. XIX в. / С.В. Денисенко, Д.В. Горский. — DOI 10.23683/2313-6138-2020-7-1-8. — EDN KFDYKL // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2020. — Т. 7, № 1. — С. 50–53.
7. Краткий обзор Свода законов Российской империи и правила для употребления его на практике : Главнейшие основания судопроизводства по уголов. и гражд. делам : рук. для всех и каждого / сост. А.И. Пахарнаев. — Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Общественная польза», 1891. — 35 с.
8. Тараборин Р.С. Свод законов гражданских 1832–1857 гг. в системе актов систематизации российского законодательства / Р.С. Тараборин. — Екатеринбург : Урал. акад. гос. службы, 2007. — 154 с.
9. Scaggion A. Au cœur de la transformation du droit russe: le Svod zakonov de la Fédération de Russie / A. Scaggion. — DOI 10.3406/rece.2003.1598 // Revue d'études comparatives Est-Ouest Année. — 2003. — Vol. 34, no. 1. — P. 103–121.
10. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. — Москва : Изд. А.А. Карцева, 1912. — 443 с.
11. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса / В.К. Случевский. — Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. — 670 с.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 2 / И.Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Альфа, 1996. — 608 с.
13. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / Д.Г. Тальберг. — Киев : Т-во печ. дела и торг. И.Н. Кушнерев и К°, 1889. — Т. 1. — 318 с.
14. Lawrence P. History, criminology and the 'use' of the past / P. Lawrence. — DOI 10.1177/1362480611433431 // Theoretical Criminology. — 2012. — Vol. 16, iss. 3. — P. 313–328.
15. Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства в России (IX–XIX вв.) : дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.01 / Т.Ю. Амплеева. — Москва, 2009. — 457 с.
16. Мещеряков Ю.В. Уголовное судопроизводство России первой половины XIX в. : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Мещеряков. — Ленинград, 1984. — 115 с.
17. Батиев Л.В. Судопроизводство в России в конце XVII — начале XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л.В. Батиев. — Санкт-Петербург, 1992. — 20 с. — EDN ZKJGSV.

18. Линник А.А. Судопроизводство по уголовно-политическим делам в пореформенной России (1864–1880 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Линник. — Краснодар, 2006. — 213 с. — EDN NNWMEZ.
19. Пачков А.А. Судопроизводство по преступлениям против государства в послепетровский период XVIII в. (1725–1801 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Пачков. — Краснодар, 2005. — 234 с. — EDN NNZQMP.
20. Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. / отв. ред. Е.А. Скрипилев. — Москва : Наука, 1992. — 312 с.
21. Развитие русского права в первой половине XIX века / отв. ред. Е.А. Скрипилев. — Москва : Наука, 1994. — 314 с.
22. Бобровский О.В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.В. Бобровский. — Тольятти, 2007. — 161 с. — EDN NOUOAD.
23. Стус Н.В. Уголовно-судебное право России XII–XIX вв.: историко-юридическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Н.В. Стус. — Белгород, 2015. — 43 с. — EDN UMOMDJ.
24. Yeomans H. Historical context and the criminological imagination: Towards a three-dimensional criminology / H. Yeomans. — DOI 10.1177/1748895818812995 // *Criminology & Criminal Justice*. — 2019. — Vol. 19, iss. 4. — P. 456–474.
25. Mauger R. The voluminous energy transition legal framework in France and the question of its recognition as a branch of law / R. Mauger. — DOI 10.1016/j.enpol.2018.08.013 // *Energy Policy*. — 2018. — Vol. 122. — P. 499–505.
26. Горожанкина Д.В. Свод законов о судопроизводстве по преступлениям 1832 г. как акт систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской империи / Д.В. Горожанкина. — EDN KYWRTH // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. — 2006. — № 13 (68). — С. 57–60.
27. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. — 2-е изд., испр. — Москва : Статут, 2017. — 1280 с.
28. Поляков И.Ю. Становление полицейского законодательства Российской империи в сфере обеспечения безопасности во второй половине XVII — первой трети XIX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.Ю. Поляков. — Нижний Новгород, 2001. — 25 с.
29. Нижник Н.С. Российская полицистика: основные этапы становления и развития / Н.С. Нижник. — DOI 10.7256/2409-868X.2015.6.16493. — EDN VEJGOF // *Genesis: исторические исследования*. — 2015. — № 6. — С. 764–786.
30. Гуляев П.Н. Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей российского государства, по их состояниям в отношении к полиции. В 2 ч. Ч. 1 / П.Н. Гуляев. — Москва : Унив. тип., 1824. — 224 с.
31. Кодан С.В. Систематизация полицейского законодательства Российской империи (1826–1832 гг.) / С.В. Кодан. — EDN STWPNH // Вестник Уральского юридического института МВД. — 2014. — № 1. — С. 9–10.
32. Овсянников Ю.Н. «Полицейское право» в истории правовой мысли Западной Европы и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю.Н. Овсянников. — Санкт-Петербург, 2002. — 28 с.
33. Исеев Б.Д. Деятельность полиции России в XVIII–XIX веках по профилактике преступлений (историко-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Б.Д. Исеев. — Санкт-Петербург, 2004. — 18 с. — EDN ZMVEVB.
34. Аврутин Ю.Е. Избранные труды. Размышления о государстве и государственной власти, законности и правопорядке, публичном управлении и административном праве / Ю.Е. Аврутин. — Санкт-Петербург, 2017. — 720 с. — EDN YFPKFF.
35. Соловей Ю.П. Российское полицейское право: история и современность / Ю.П. Соловей. — EDN SIPOMR // *Государство и право*. — 1995. — № 6. — С. 75–85.

REFERENCES

1. Speranskii M.M. *An Overview of Historical Information on the Collection of Laws*. Saint Petersburg, 1833. 200 p.
2. Galuzo V.N. On the Systematization of Laws in the Russian Empire (1721–1917). *Aktual'nye issledovaniya = Topical Research*, 2020, no. 7, pp. 46–50. (In Russian). EDN: HNGBSV.
3. Kodan S.V. Collected laws of the Russian Empire. The place and role in the development of juridical technique and the systematization of legislation in Russia in XIX — early XX centuries. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2007, no. 1, pp. 178–191. (In Russian). EDN: PJCLUZ.
4. Mitskevich A.V. The systematization of laws of the Russian Empire by M.M. Speransky. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2001, no. 5, pp. 154–160. (In Russian).
5. Rybakov Yu.Ya. Collected laws of the Russian Empire of the first half of XIX century. *Problems of source studies in the USSR and other special history disciplines*. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 61–68. (In Russian).
6. Denisenko S.V., Gorsky D.V. The First Experience of Systematization of Russian Law in the Russian Empire in the Early 30 of the XIX Century. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 50–53. (In Russian). EDN: KFDYKL. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-8.
7. Pakharnaev A.I. (ed.). *Brief overview of the Collected Laws of the Russian Empire and rules for its enforcement: Chief grounds of court proceedings for criminal and civil cases: A Manual for each and everybody*. Saint Petersburg, «Public Good» Partnership Publ., 1891. 35 p.
8. Taraborin R.S. *Collected civil laws of 1832–1857 in the system of acts for the systematization of Russian legislation*. Ekaterinburg, Ural Academy of Public Service Publ., 2007. 154 p.
9. Scaggion A. Au cœur de la transformation du droit russe: le Svod zakonov de la Fédération de Russie. *Revue d'études comparatives Est-Ouest Année*, 2003, vol. 34, no. 1, pp. 103–121. DOI: 10.3406/rece.2003.1598.
10. Viktorskii S.I. *Russian Criminal Process*. Moscow, A.A. Kartsev Publ., 1912. 443 p.
11. Sluchevskii V.K. *Textbook of Russian Criminal Process*. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1913. 670 p.
12. Foinitskii I.Ya. *A Course in Criminal Court Procedure*. Saint Petersburg, Al'fa Publ., 1996. Vol. 2. 608 p.
13. Talberg D.G. *Russian Criminal Proceedings*. Kiev, I.N. Kushnerev i K° Publ., 1989. Vol. 1. 318 p.
14. Lawrence P. History, Criminology and the 'Use' of the Past. *Theoretical Criminology*, 2012, vol. 16, iss. 3, pp. 313–328. DOI: 10.1177/1362480611433431.
15. Ampleeva T.Yu. *History of criminal court proceedings in Russia (IX–XIX centuries)*. Doct. Diss. Moscow, 2009. 457 p.

16. Meshcheryakov Yu.V. *Criminal court proceedings in Russia in the first half of XIX century. Cand. Diss.* Leningrad, 1984. 115 p.
17. Batiev L.V. *Court proceedings in Russian in late XVII — early XVIII centuries. Cand. Diss. Thesis.* Saint Petersburg, 1992. 20 p. EDN: ZKJGSV.
18. Linnik A.A. *Court proceedings on criminal-political cases in the post-reform Russia (1864–1880). Cand. Diss.* Krasnodar, 2006. 213 p. EDN: NNWMEZ.
19. Pachkov A.A. *Court proceedings on crimes against the state in post-Peter I period of XVIII century (1725–1801). Cand. Diss.* Krasnodar, 2005. 234 p. EDN: NNZQMP.
20. Skripilev E.A. (ed.). *The development of Russian law in the second half XVII–XVIII centuries.* Moscow, Nauka Publ., 1992. 312 p.
21. Skripilev E.A. (ed.). *The development of Russian law in the first half of XIX century.* Moscow, Nauka Publ., 1994. 314 p.
22. Bobrovskii O.V. *Criminal and civil process according to the Russkaya Pravda. Cand. Diss.* Tolyatti, 2007. 161 p. EDN: NOUOAD.
23. Stus N.V. *Criminal court law in Russian in XII–XIX centuries: a historical-legal study. Doct. Diss. Thesis.* Belgorod, 2015. 43 p. EDN: UMOMDI.
24. Yeomans H. Historical Context and the Criminological Imagination: Towards a Three-dimensional Criminology. *Criminology & Criminal Justice*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 456–474. DOI: 10.1177/1748895818812995.
25. Mauger R. The Voluminous Energy Transition Legal Framework in France and the Question of its Recognition as a Branch of Law. *Energy Policy*, 2018, vol. 122, pp. 499–505. DOI: 10.1016/j.enpol.2018.08.013.
26. Gorozhankina D.V. Collected laws on court proceedings on crimes of 1832 as an act of systematizing criminal procedure legislation of the Russian Empire. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 2006, no. 13, pp. 57–60. (In Russian). EDN: KYWRTH.
27. Golovko L.V. (ed.). *A Course in Criminal Process.* 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2017. 1288 p.
28. Polyakov I.Yu. *Formation of police legislation in the Russian Empire in the sphere of ensuring security in the second half of XVII — first third of XIX centuries. Cand. Diss. Thesis.* Nizhnii Novgorod, 2001. 25 p.
29. Nizhnik N.S. Russian Police Science: Main Stages of its Establishment and Development. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Research*, 2015, no. 6, pp. 764–786. (In Russian). EDN: VEJGOF. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16493.
30. Gulyaev P.N. *Rights and responsibilities of municipal and regional police, and generally all residents of the Russian State in their relationships with the police.* Moscow, 1824. Pt. 1. 224 p.
31. Kodan S.V. The Systematization of Police Legislation of the Russian Empire (1826–1832). *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2014, no. 1, pp. 9–10. (In Russian). EDN: STWPNH.
32. Ovsyannikov Yu.N. *«Police Law» in the history of legal thought in Western Europe and Russia. Cand. Diss. Thesis.* Saint Petersburg, 2002. 28 p.
33. Iseev B.D. *Crime prevention work of the police in Russia in XVIII–XIX centuries (historical-legal analysis). Cand. Diss. Thesis.* Saint Petersburg, 2004. 18 p. EDN: ZMVEVB.
34. Avrutin Yu.E. *Selected works. Ideas Regarding the State and State Power, Legality and Legal Order, Public Governance and Administrative Law.* Saint Petersburg, 2017. 720 p. EDN: YFPKFF.
35. Solovei Yu.P. Russian police law: history and modernity. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1995, no. 6, pp. 75–85. (In Russian). EDN: SIPOMR.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Минникес Ирина Викторовна — главный научный сотрудник отдела теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: ivminnikes@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Минникес И.В. Становление уголовного и полицейского процесса в российском праве XVIII — начала XIX века / И.В. Минникес. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(3).400-410. — EDN RERDYR // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 3. — С. 400–410.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Minnikes, Irina V. — Senior Researcher, Department of Legal Theory and Comparative Law, Institute of Legal Research, Baikal State University, Doctor of Law, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: ivminnikes@mail.ru.

FOR CITATION

Minnikes I.V. The Formation of Criminal and Police Proceedings in the Russian Law of the XVIII — Early XIX Century. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 400–410. (In Russian). EDN: RERDYR. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).400-410.